

A romantic couple is shown in a close embrace outdoors. The man, on the left, has dark, wavy hair and a light beard, and is wearing a dark, textured jacket over a dark shirt. He is holding an acoustic guitar and looking down at it with a smile. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing a dark, textured jacket over a dark top with a gold chain necklace. She is looking up at the man with a smile. The background is a blurred outdoor setting with warm, golden light, suggesting a sunset or sunrise.

Андрей Букрин

Соната для двух оркестров

Андрей Букрин

Соната для двух оркестров

«Автор»

2026

Букрин А.

Соната для двух оркестров / А. Букрин — «Автор», 2026

Можно ли вычеркнуть десять лет любви ради «проверки чувств»? Денису и Яне по двадцатьсёсёк двенадцать лет. Из них целое десятилетие они были неразлучны: вместе эмигрировали в Америку, вместе учили язык и вместе дышали музыкой. Он — виртуозный гитарист в нью-йоркском Джульярде, она — талантливая виолончелистка в бостонском Беркли. Они знали друг друга так близко, что в какой-то момент их собственное «Я» растворилось в привычке. Ноябрь и декабрь 2010 года превращаются для обоих в адский марафон одиночества. Единственный законный способ встретиться, не нарушая клятвы — выиграть жестокие внутренние отборы в своих колледжах и пробиться на легендарную сцену Карнеги-холла. Проходя через изнурительные испытания в самых безумных локациях — от шумного бостонского супермаркета до итальянского ресторана на Манхэттене — они кричат друг другу своими голосами сквозь сотни миль. В апреле 2011 года им предстоит выйти под софиты Карнеги-холла и решится их дальнейшая судьба.

© Букрин А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Букрин

Соната для двух оркестров

Глава 1. Теория разбитых струн

Нью-Йорк. Октябрь, 2010 год.

Осень в штате Нью-Йорк всегда пахла влажным асфальтом, пережаренным кофе из придорожных «Dunkin' Donuts» и дымом из вентиляционных решеток подземки.

Двадцать два года — дурацкий возраст. Ты уже слишком взрослый, чтобы списывать глупости на юношеский максимализм, но все еще слишком глупый, чтобы признать: жизнь не черно-белая партитура.

Денис сидел на капоте старого темно-синего «Форда» на смотровой площадке под Бруклинским мостом. В кармане его куртки вибрировал тяжелый iPhone 3GS — кто-то из сокурсников по Джульярдской музыкальной школе зазывал на очередную тусовку в Гринвич-Виллидж. Но Денис не отвечал. Он смотрел, как грязные волны Ист-Ривер бьются о бетонные сваи.

Они были знакомы ровно десять лет. С того самого сырого сентября 2000-го, когда их семьи эмигрировали из России и поселились в соседних домах в Бруклине. Тогда им было по двенадцать. Они вместе учили английский по комиксам, вместе получали синяки на скейтерских площадках, вместе зажимали пальцами первые аккорды. Она — на старой отцовской виолончели, он — на акустической гитаре, купленной на гаражной распродаже за пятнадцать долларов.

Они знали друг друга наизусть. До каждого шрама, до каждой интонации. И именно это их сейчас убивало.

Дверь машины хлопнула. Яна вышла с пассажирского сиденья, плотнее кутаясь в безразмерный вязаный кардиган цвета брусники. Ветер с реки тут же растрепал ее короткое каре. В руках она держала два бумажных стакана с остывающим латте.

— Если ты будешь молчать еще пять минут, я решу, что ты разучился разговаривать, Дэн, — тихо сказала она, протягивая ему кофе. Она не улыбалась. Последние три месяца они вообще разучились улыбаться друг другу.

— Я не молчу, Янка. Я думаю, — Денис принял стакан, но пить не стал. Грел пальцы об картон.

— О чем? О том, что Бостонский музыкальный колледж Беркли принял мои документы на весенний семестр? — в ее голосе проскользнула едва заметная, горькая струна. — Мы же обсуждали это. Четыре часа на автобусе «Greyhound» между Нью-Йорком и Бостоном. Это не конец света.

— Дело не в Бостоне, — Денис повернул к ней голову. Его серые глаза казались темными в сгущающихся сумерках. — И не в Беркли. Дело в нас. Посмотри на нас, Ян. Мы застряли.

Яна вздрогнула, словно от пощечины.

— Что это значит?

— Мы вместе так долго, что перестали понимать, где заканчиваешься ты и где начинаюсь я. Музыка, планы, даже чертов кофе — мы всё делаем по привычке. Мы ссоримся из-за каждой репетиции. Мой препод в Джульярде говорит, что в моей игре пропал огонь. Осталась только чистая техника. И я знаю почему. Потому что мне слишком комфортно. И тебе тоже. Мы стали друг для друга безопасной гаванью, в которой гниют наши корабли.

— Ты хочешь расстаться? — ее голос сорвался на шепот. Огни Манхэттена за ее спиной расплылись в сплошную светящуюся полосу.

— Я хочу проверить нас, — Денис мягко, но уверенно взял ее за руку. Ее пальцы, как всегда перед сложным разговором или концертом, были ледяными. — Ты уезжаешь в Бостон. Я остаюсь здесь, в Джульярде. Никаких звонков каждый вечер. Никаких «как дела» в Фейсбуке. Полгода, Яна. Давай дадим друг другу эти полгода тишины.

— Зачем? — из глаз девушки покатились одинокая слеза, оставляя мокрую дорожку на бледной щеке.

— Чтобы понять: мы вместе, потому что действительно любим друг друга, или просто потому, что не умеем жить иначе. Если наша связь так сильна, как мы думаем, — музыка вернет нас обратно. Мы столкнемся. На каком-нибудь фестивале, конкурсе, где угодно. Но мы должны подойти к этому раздельно. Чистыми.

Яна долго смотрела на их сцепленные пальцы. Октябрьский ветер шуршал сухими листьями по асфальту Пирса-17. Где-то вдалеке выла сирена скорой помощи — вечный саунд-трек Нью-Йорка.

— Полгода тишины, Денис? — спросила она, поднимая на него глаза, в которых сейчас горела не обида, а взрослая, глубокая гордость. — Хорошо. Но если через полгода, когда мы настроим свои инструменты заново, окажется, что мы играем в разных тональностях... обещаешь, что ты не станешь пытаться всё исправить.

— Обещаю, — тихо ответил он.

Она отпустила его руку, оставила свой нетронутый стакан кофе на капоте «Форда» и, не оборачиваясь, пошла в сторону станции метро «High Street».

Денис смотрел ей в след, пока ее брусничный кардиган не растворился в толпе и неоновых вывесках Бруклина. Внутри него в этот момент оборвалась струна. Самая толстая, басовая струна, которая держала весь его внутренний строй.

Глава 2. Фантомные звуки

Привычка длиной в десять лет не исчезает по щелчку пальцев. Она вращается в подкорку, кости и утренние ритуалы.

Прошла неделя, затем вторая. Жизнь Дениса в Нью-Йорке превратилась в сухой, механический марш. Джульярд требовал от своих студентов полной самоотдачи, и парень добровольно запер себя в четырех стенах репетитория.

Он брал гитару и занимался до тех пор, пока подушечки пальцев не начинали гореть, а левая кисть не немела от сложных джазовых переборов. Его профессор, старый ворчливый старик с вечной сигарой во рту, удивленно качал головой: «Дэн, ты играешь так, словно за тобой гонятся все черти ада. Техника безупречна. Но где воздух? Где паузы?».

Денис не мог объяснить профессору, что паузы пугали его больше всего. Стоило ему замолчать, как в тишине комнаты начинал звучать фантомный звук — едва слышный шорох смычка по струнам виолончели.

Хуже всего было по утрам. Денис по привычке заваривал две чашки кофе, а потом долго смотрел на вторую, остывающую на кухонном столе их бруклинской квартиры. Рука то и дело тянулась к телефону в кармане джинсов, пальцы на автомате вбивали первые буквы «Я-н-а», но парень вовремя останавливал себя. «Мы дали друг другу полгода тишины. Держись», — мысленно приказывал он себе.

В Бостоне, в общежитии Беркли, Яна переживала свою собственную катастрофу.

Новый город встретил ее пронизывающим ветром с залива и бесконечным потоком незнакомых лиц. Бостонский музыкальный колледж Беркли бурлил: здесь на каждом углу репетировали инди-группы, экспериментировали со звуком и спорили о деконструктивизме в музыке. Это был мир, о котором она мечтала. Но без Дениса этот мир казался обесцвеченным, словно старая пленочная фотография, забытая на солнце.

Десять лет дружбы и любви связали их так сильно, что Яна физически ощущала его отсутствие, как ампутированную конечность.

Когда на занятиях по композиции её просили сыграть свободную импровизацию, пальцы сами собой выводили ту самую незаконченную мелодию, которую они сочинили вместе на капоте «Форда». Ей казалось, что если она сыграет её достаточно громко, Денис услышит её сквозь четыре часа автобусного пути между штатами.

Чтобы не сойти с ума от этого звенящего одиночества, Яна загрузила себя учебой до предела. Она записалась на дополнительные классы по оркестровке, проводила вечера в библиотеке над тяжелыми партитурами Сибелиуса и засыпала прямо на учебниках.

— Эй, Яна, ты вообще спишь? — как-то спросила её соседка по комнате, заметив темные круги под глазами девушки. — Ты выглядишь так, будто твоя виолончель весит тонну.

— Всё в порядке, — тихо ответила Яна, закрывая очередную тетрадь. — Просто... слишком много новой информации.

Она лгала. Информации было в самый раз. Ей просто критически, до физической боли не хватало одного конкретного человека, который за десять лет стал её личным камертоном. И сейчас, без него, её внутренний инструмент отчаянно фальшивил.

Глава 3. Золотой билет

Ноябрь принес в Новую Англию первые заморозки. Газеты писали о грядущей снежной буре, а в холлах Джульярда и Беркли одновременно появились одинаковые глянцевые афиши. Они горели золотом на фоне серого предзимья:

«Grand Finale: Музыкальный поединок века. Джульярд (Нью-Йорк) против Беркли (Бостон). Весна 2011. Главная сцена Карнеги-холла. От каждого вуза будет выбран лишь один сольный исполнитель инструментального отделения».

Для Дениса эта афиша стала плотком воздуха. Три недели удушающей тишины, три недели без единого СМС. Он смотрел на плотную бумагу объявления, и его сердце колотилось в бешеном ритме синкопы. Карнеги-холл. Весна.

Он знал Яну слишком хорошо. Знал, какая она упрямая. Она расшибется в кровь, но заберет это единственное место от Бостона. Для нее это не просто престиж — это сцена, о которой она бредила с двенадцати лет.

«Если я выиграю отбор в Джульярде, мы встретимся, — стучало у него в висках. — Легально. Не нарушая уговора. Нас сведет сама музыка».

В тот же день он вписал свое имя в массивный лист регистрационной книги на кафедре. Профессор с сигарой лишь прищурился:

— Решил вернуть огонь, Дэн? Ну-ну. Там будут лучшие скрипачи и пианисты курса. Гитаристу пробиться в соло — один шанс из тысячи.

— Мне нужен этот шанс, — твердо ответил Денис.

В Бостоне Яна стояла перед точно такой же афишей. Ветер из открытого окна коридора Беркли трепал полы ее пальто, но она не замечала холода. Глаза зацепились за строчку: *«Джульярд против Беркли»*.

Нью-Йорк. Его город. Его Джульярд.

Она прижала к себе чехол с виолончелью, чувствуя, как внутри просыпается старая, дремавшая до этого ярость. Денис хотел проверить их связь? Хотел узнать, сильны ли они порознь? Отлично. Она докажет ему, чего стоит. Она приедет в его город не слабой девчонкой, которая скучает в пустой комнате, а его главным соперником.

Пальцы Яны уверенно вывели на листе заявки: *«Яна Волканова. Виолончель. Класс профессора Харриса»*.

С этого дня их жизни окончательно превратились в адский марафон. Отбор состоял из двух этапов: жесткое внутреннее прослушивание вслепую (за ширмой) и финальный открытый концерт внутри вуза.

Подготовка стерла границы между днем и ночью.

Денис выбрал для отбора сложнейшую «Чакону» Баха в транскрипции для гитары. Семь минут непрерывного, плотного потока полифонии, где одна гитара должна звучать как целый орган. Ему не хватало объема. Чтобы добиться монументального звука, он начал тренироваться в самых неожиданных местах — уходил ночью в пустой подземный паркинг Джульярда, где бетонные стены давали сумасшедшее, грязное эхо. Пальцы сбивались, струны резали кожу, но он упрямо повторял такт за тактом. Он представлял, что этот бетонный гул — расстояние между Нью-Йорком и Бостоном, и он обязан его пробить.

Яна пошла еще дальше. Профессор Харрис дал ей современную, авангардную пьесу Кшиштофа Пендерецкого. Никакой красивой классики — только кричащие, рваные звуки, игра за подставкой виолончели, резкие удары смычка. Музыка боли и преодоления.

Яне не давался финальный пассаж — струна «до» никак не хотела выдавать нужный, вибрирующий, почти утробный стон. Чтобы поймать это ощущение, она оставалась в репетиции Беркли до трех часов ночи, доводя себя до полного изнеможения. Когда правое плечо начинало гореть от напряжения, она закрывала глаза, вспоминала Бруклинский мост, холодный ветер и слова Дениса: *«В твоей игре пропал огонь»*.

«Я покажу тебе огонь, Денис», — шептала она и снова опускала смычок на струны. Виолончель кричала в пустом классе, срывая голос.

Они не знали партитур друг друга, не видели, как у каждого из них растут мозоли на пальцах. Но впервые за этот месяц они снова дышали в одном ритме. Ритме подготовки к их неизбежному столкновению.

Глава 4. Порядок хаоса

Ноябрь незаметно перетек в декабрь, принес с собой ледяные ветра с Атлантики. Внутри Джульярда и Беркли атмосфера раскалилась до предела. Понятие «студенческое братство» временно перестало существовать — на кону стоял единственный билет в Карнеги-холл, и каждый из претендентов был готов зубами вырывать свою победу.

Декабрь стал месяцем внутренних испытаний, которые администрации колледжей устроили для конкурсантов. Профессора хотели не просто оценить технику — им нужно было понять предел возможностей каждого музыканта, вывернуть их наизнанку и посмотреть, что останется.

В Джульярде Денис оказался в самом эпицентре мужской эго-войны. Его главными соперниками были двое: Марк, виртуозный пианист из Чикаго, чьи пальцы двигались со скоростью пулемета, и Кристиан, скрипач-вундеркинд, заносчивый парень в дорогих костюмах.

Каждую пятницу кафедра устраивала «контрольные срезы» в полумраке Малого концертного зала. Но правила игры постоянно менялись.

— Сегодня мы проверяем вашу адаптивность, господа, — сухо объявил декан на второй неделе декабря. — Вы играете свои произведения. Но мы будем менять условия прямо во время исполнения.

Денис вышел на сцену со своей акустической гитарой. Он только начал вступление к «Чаконе» Баха, поймав нужный, гулкий резонанс деревянного корпуса, как вдруг на сцене полностью погас свет. Полная, абсолютная темнота. Ни нот, ни грифа, ни ориентиров.

Справа от него Кристиан на своем туре споткнулся и выругался — скрипач потерял смычок в темноте. Но Денис даже не дрогнул. Десять лет назад они с Яной в шутку репетировали в подвале ее бруклинского дома, когда там отключали электричество за неуплату. Он помнил гриф пальцами, как собственное лицо. Его Бах продолжил звучать в темноте — ровно, мощно, без единой фальшивой ноты. Когда свет включили, профессора в приемной комиссии молча делали пометки в блокнотах. Денис доказал: его невозможно выбить из колеи внешним хаосом. Его музыка шла изнутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.